

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ПЁС

Дверь захлопнулась, и Манни осталась одна.

Вернее, с Бруно. Старый лабрадудль с тёмно-рыжей кудрявой шерстью растянулся на коврике и смотрел на Манни уставшими — всегда грустными — глазами. Казалось, он вот-вот уснёт. Но на самом деле пёс был на работе, и сон точно не входил в его обязанности.

Дело в том, что Бруно служил в библиотеке Сортавалы — маленького северного города, окружённого большой холодной водой. Когда-то давно здесь жили люди древнего племени корела. И шведы жили, и финны, и много кто сюда приезжал и оставался насовсем. А теперь здесь живёт Манни. Именно с ней в конце декабря и случилась одна удивительная история. Началась она в вечер пятницы, когда Манни снова пришла к Бруно.

Должность лабрадудля называлась «библиотечный пёс». Его работой было слушать истории.

Родители приводили к нему детей, чтобы те почитали Бруно новую книгу, или поделились с ним секретом, или рассказали что-нибудь интересное, или просто побыли в тишине, подумали о своём. Помолчать и подумать — это тоже немало.

Работа у Бруно несложная, но и не для каждой собаки. В таком деле важнее всего — терпение. И умный, понимающий взгляд. Ведь читать вслух хочется, только если тебя внимательно слушают.

По средам и пятницам Манни спешила в крохотную комнату в библиотеке на встречу с Бруно, а ещё с собственным временем, которое принадлежало ей одной. Целых шестьдесят минут! И она как будто на планете, пусть и размером с комнату,

но зато далёкой от целого мира. Это было время её собственного звука, её голоса в тишине.

В тот день Манни взяла книгу с красными буквами на обложке. «Тухкимус и волшебный ключ. Карельские истории», — прочитала она и подумала, что сказки ей никогда не нравились. И вообще, читать — не самое весёлое занятие. Разве что рассказы про животных. Да, про животных — другое дело. Но эти истории... карельские... как будто не такие, как все остальные.

«Вынула Тухкимус девять хлебов из печи, расставила в ряд на скамье, а они взяли да обернулись прекрасными юношами.

— Спасибо тебе, Тухкимус! Злая Сьюоятар нас заколдовала да в горячую печь посадила, а ты нас спасла. Вот тебе за это волшебный ключ. Когда

нужда придёт, ударь им по синей скале — и получишь всё что пожелаешь».

Манни читала эти истории, когда ходила в театральный кружок. Правда, занималась она там недолго. Всего месяц, а потом бросила. Зато успела сыграть на сцене злую лесную старуху Сюоятар. В их спектакле не было никаких принцесс — их Манни особенно не любила, — не было замков, королей, глупых драконов и рыцарей. Зато был лес — совсем как рядом с её домом — и всякие чудные существа, которые в нём живут: духи растений и деревьев, животные, обитатели озёр — и находчивая девчонка Тухкимус. Манни обиделась, что тогда в спектакле ей не досталась эта роль.

На обложке книги под названием была нарисована большая корова с золотым колокольчиком, а позади неё — тёмно-зелёный лес.

«Вернулась замарашка домой, спрятала в печной золе волшебный ключ...»

Читать дальше Манни не хотелось. Она отложила книгу и посмотрела в окно. На улице падал снег. Тишина была такая, что слышалось только дыхание Бруно.

Всё вокруг точно шептало: «Тс-с-с... потише, потише. Давай без лишних слов. Просто смотри и слушай тишину». И Манни смотрела: на снег снаружи, на озябшие предметы — внутри. Книги дремали на полках, как птицы на ветках. Старые городские дома на фотографиях, висевших на стене, будто ещё теснее прижались друг к дружке, пытаясь согреться. Сломанное пианино всегда молчало, но в ту минуту его молчание казалось Манни каким-то нарочным — как будто стоило ему захотеть, как оно раззвучится, раззвенится, просто сейчас не хочет: то была такая минута, когда нельзя шуметь.

Манни погладила Бруно и прошептала ему:

— Вот у Тухкимус есть волшебный ключ. Раз — и сразу тебе всё что хочешь. Если бы у меня был такой ключ... я бы улетела. Далеко. Чтобы никто не нашёл.

Бруно зевнул и причмокнул.

ПРОЩАНИЕ С ЗЕЛЁНЫМ ДОМОМ

Манни была не прочь оказаться где угодно, только бы подольше не приходить домой. К новым родителям и новой сестре. А если совсем честно, в ту пятницу она и вовсе не хотела возвращаться к ним.

6 декабря Манни переехала в новый дом — из своего прежнего длинного зелёного дома, который почему-то называют детским, но на самом деле он взрослый, скучный и какой-то уставший. Прошёл почти месяц, а Манни всё никак не могла привыкнуть к комнате с обоями в голубой горох, к дивану, к виду из окна, к чёрному коту Сампо, который всякий раз при встрече с ней показывал когти. К голосу новой мамы. И хотя голос своей — родной — она не помнила, но почему-то ей казалось, что он был нежнее. К шагам нового папы. И хотя шагов родного отца она никогда не слышала, но почему-то ей казалось, что они были тише и долгожданнее. К новым порядкам, ко всей

этой новой жизни. И хотя с прежней она мечтала поскорее распрощаться, сейчас ей почему-то казалось, что та жизнь была счастливее. Во всяком случае, там, думала Манни, она была своя. А тут... всё чужое. И непонятно, станет ли когда-нибудь родным. Ещё и в школу надо ходить с Зоей... Больше всего Манни не могла привыкнуть к тому, что у неё теперь есть сестра — Зоя. Ох, эта Зоя! Она была на два года старше, и в ноябре ей исполнилось девять. Училась она лучше всех, имела разряд по шахматам, составляла планы и всегда им следовала, старательно вела дневник, занималась гимнастикой по утрам, а ещё её чёрные волосы были блестящими, точно оленьи зрачки. «Мы слишком разные, — думала Манни. — Даже цвет волос у нас разный. Я никогда не стану такой же отличницей, как она. И не хочу».

В тот день Манни и Зоя поссорились.

— Я сделала новогодний шарик, — гордо сказала Манни. — Целую неделю рисовала. Повесим его на ёлку?

— Не получится, — ответила Зоя. — Мы никогда не наряжаем ёлку на Новый год. У нас так принято.

— Как... как это? — чуть не плакала Манни. — Кто это принял?

— Мои, — Зоя особенно подчеркнула это слово, — мама и папа. И я тоже. Мы не любим возиться с ёлкой. Однажды, много лет назад, поставили — и всё. Решили, что нам это не нужно.

Больше всего на свете Манни любила нарядные, сияющие, всегда разные праздничные зимние ёлки. В зелёном доме каждый год проводили конкурс на лучший новогодний шарик. Манни ещё ни разу не побеждала, но это и не важно: ведь их шарики всё равно вешают на ёлку, зажигают огоньки, и в тёмном зале становится светлее. Правда, выиграть ей всегда хотелось. Потому что победителя называют Королём или Королевой ёлочных игрушек, и такой счастливчик может попросить всё что угодно: новые краски, коньки, даже телефон! И его желание исполнят.

— Почему? Почему не нужно? — Манни посмотрела Зое в глаза: неужели это правда и они в самом деле не выбирают все вместе высокую, пахнущую лесом ёлку, не везут её домой на крыше автомобиля, не вешают по очереди игрушки и гирлянды, не зажигают огоньки в темноте,

не кладут под ветки подарки? А потом... потом... Манни слышала, что старые ёлки отдают в зоопарк лосям, те с радостью жуют сухие веточки, и праздник продолжается...

— Не нужно, и всё, — сухо ответила Зоя. — Мы не любим новогоднюю суету. И ёлки не любим.

— А я... — Манни набрала побольше воздуха, — а я люблю! И моя мама любила!

— Да откуда ты знаешь? Ты её даже не видела!

— Не твоё дело, — обиделась Манни и вышла из комнаты.

На пути ей встретился Сампо и злобно шикнул, обнажив клыки.

«Я сюда больше не вернусь», — пообещала себе Манни и подумала о своей комнате в зелёном доме на втором этаже, где знала каждую щербинку на стене, каждую трещинку в полу. Она вспомнила о том, как смотрела в окно на деревья, на старую ратушу, на холодную воду, которая начиналась за этой ратушей и текла в большое озеро. Большое, как море.

Манни знала, что родных у неё не было, кроме мамы. Которой тоже не стало. Но ещё она знала, что её никто не бросал, никто от неё не отказывался. «Просто, — сказали ей взрослые в зелёном доме, — когда ты родилась, твоя мама ушла на небо. И тебя называли таким же именем».

КАК ЖЕ ТАК, БРУНО?

— Бруно... Смотри, что покажу, Бруно!

Манни взяла рюкзак и осторожно достала большой стеклянный новогодний шар. Целую неделю тайком она расписывала его красками, добавляла точки и линии, выводила снежинки. На своём шарике Манни нарисовала уютную комнату и высокую ёлку с разноцветными игрушками. Не всё ещё у неё получалось аккуратно, кое-где краска растеклась и застыла пятном, но Манни старалась. Так старалась, что можно было подумать, будто этот шарик расписан настоящим художником. Или тем, кто очень хотел им стать.

— Ну вот, — прошептала Манни, — тот самый шарик. А Зоя его не увидела. Слушай, Бруно... — Манни произнесла слова так медленно и тихо, как падал снег. — Я придумала! Сегодня я вернусь в зелёный дом и отдам им шарик. Он как будто мой обратный билет. Но в этот раз

я выиграю! Точно выиграю. И стану Королевой ёлочных игрушек! А знаешь, что я попрошу в подарок? Чтобы они разрешили мне остаться у них. Навечно. Пока не вырасту. Тогда меня больше никуда не отдадут!

Манни повертела шарик в руках и представила, как он висит, качается на тяжёлой еловой ветке, как переливается в свете фонариков.

— Ты слышишь, Бруно? Никуда и никогда! — Она толкнула пса, а тот, пробудившись, подскокил и стукнулся головой о руку Манни. Шарик выскользнул из её пальцев, секунда —

и он упал,
ударился об пол,
раскололся,

разбился
на два...

три...

четыре...

семь...

восемь...

На восемь осколков!

СТРАННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ

Поначалу Манни не могла даже пошевелиться и сидела на ковре, поджав ноги и сложив руки на коленях. Она смотрела то на осколки, то на Бруно. То на Бруно, то на осколки.

Медленно, разглядывая каждый, Манни собрала их в носовой платок. Одна за другой по щекам катились слёзы. Перед глазами у неё всё размылось. На секунду Манни подумала, что это не взаправду, что кто-то акварелью нарисовал такую грустную картинку, а на самом деле она показывает Бруно свой шарик и пёс внимательно

